УДК 94(100)"1914/1919":355.01

ХОЛОДОВ В.А.

Первая мировая война в восприятии русских солдат

Статья посвящена анализу восприятия первой мировой войны ее непосредственными участниками – солдатами на фронте. В статье также раскрывается мировоззренческое отношение солдат к событиям войны. Кроме того, в статье отражаются основные изменения в восприятии войны солдатами.

Ключевые слова: первая мировая война, патриотизм, восприятие, мировоззрение, монархизм.

Первая мировая война принадлежит к числу событий, которые оставили глубокий след в истории человечества и оказали глобальное по масштабам воздействие на исторические судьбы народов. Она также явилась беспрецедентным вооруженным конфликтом, в котором когда-либо участвовала Россия[1]. В условиях первой мировой войны в военные действия со стороны России оказалась втянута многомиллионная масса российского крестьянства, мобилизованного на войну. Бывшие крестьяне, становясь солдатами и находясь в условиях фронтовой жизни, воспринимали события первой мировой войны в соответствии со своими ментальными установками и стереотипами. Как полагают ряд современных исследователей, менталитет российского крестьянства начала XX в. по-прежнему представлял собой общинную ментальность, сформированную в рамках довольно замкнутого общества[2]. Несомненно, война оказывает негативное, разрушительное воздействие на человеческую психику, а также моральные установки и общественные идеалы. При этом масштабы страданий и гибели людей во время первой мировой войны были беспрецедентными[3].

Безусловно, проблематика восприятия первой мировой войны основной категорией населения России начала XX в. – крестьянством – не оставлены без внимания исследователями. В этой связи можно привести примеры исследований таких авторов, как В.Б. Аксенов[4], А.Б. Асташов[5], О.С. Поршнева[6] и др. Однако анализ восприятия солдатами первой мировой войны в непосредственной боевой обстановке на фронте является весьма актуальным в связи с повышенным интересом в исторической науке последних лет к вопросам военно-антропологической проблематики.

По переписи 1897 г., крестьяне составляли 77 % жителей России[7] и, таким образом, явились численной основой армии. Во время объявленной мобилизации миллионы российских крестьян были вынуждены надеть солдатские шинели. При этом бывший мужик порывал с привычным ему деревенским укладом жизни и становился комбатантом. Данную психологическую трансформацию тонко подмечал в своих дневниках М.М. Пришвин. В частности, он описывает отправку на фронт одного из крестьян в начале 1915 года: “На второй день Нового года брали ратников, стон, рев, вой были на улице, женщины

качались и падали в снег, пьяные от слез. И вот, как он отстранил их и сел в сани, в этом движении и сказался будущий воин: отстранил и стал тем особенным существом, в какое превращается мужик на позициях"[8].

Чтобы оценить масштабы вовлечения населения России в военные действия, целесообразно обратиться к некоторым цифрам статистики. Установление числа призванных в русскую армию за время первой мировой войны Н.Н. Головин предлагает начать с определения общей численности вооруженных сил страны до объявления мобилизации – 1 423 000 человек[9]. В итоге после проведения многочисленных подсчетов он утверждает, что за всю войну было мобилизовано 15 378 тысяч человек[10]. При этом Н.Н. Головин подчеркивает, что всякое отвлечение рабочих рук для России было более чувствительным, чем для западноевропейских государств, стоящих на высшем, по сравнению с Россией, культурном уровне. Ссылаясь на сельскохозяйственную перепись 1917 года, он указывает, что в армию было взято 47,4% трудящихся мужчин, участвующих в производственном процессе, то есть около половины[11].

По свидетельствам современников, во время мобилизации наблюдался общий подъем энтузиазма в стране. В частности, А. Драгомиров так описывает настроение населения в центральной и южной России: "Это удивительное двухнедельное путешествие через всю центральную и южную Россию, охваченную мобилизационной горячкой, заставило меня с головой окунуться в совершенно необычный, ни с чем не сравнимый стихийный подъем, охвативший тогда всю Россию. Он заразил нас всех и наложил свой отпечаток на все наши военные действия первых месяцев войны"[12].

Однако А.А. Брусилов утверждает в своих воспоминаниях, что население в целом, а особенно надевавшие солдатские шинели вчерашние крестьяне, не понимало сущности происходящей войны, ее причин и целей. Он отмечает при этом следующее: "Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война стряслась им на голову, как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто такие сербы, не знал почти никто"[13]. Тем не менее определенное восприятие первой мировой войны у русского населения все же сформировалось. В начале первой мировой войны в сознании русского человека продолжала господствовать традиционная мировоззренческая установка войны за "Царя-Батюшку", органично взаимосвязанная с православно-христианским ментальным настроем. Война воспринималась прежде всего как горе, возникшее в результате происков Антихриста, персонифицированного в лице Вильгельма II. При этом ярко выражено было понимание непричастности простого русского человека к происходившим событиям.

Фольклорные мотивы свидетельствуют о том, что в народном сознании четко сформировалось понимание причины мировой войны – милитаристские захватнические планы Вильгельма II. Об этом, в частности, может свидетельствовать отрывок из шуточной деревенской песни про войну с немцами:

"Что за бельма у Вильгельма?
Так и искрятся огнем
Среди ночи, как и днем.
Он для русского народа
Из себя дает урода.
Но у немца, как-никак,
Бронированный кулак.
Он задумал воевать,
Чтоб Европу всю забрать,
Быть хозяином полмира,
Чтоб боялись все вампира..."[14].

На начальном этапе войны в сознании солдат была сильна монархическая идея, а немецкая угроза воспринималась как борьба с игом. Об этом свидетельствуют, например, солдатские письма. В одном из них, в частности, говорится следующее: "Повисла грозовая туча над Великой Русью. Гремел гром, сверкала молния, и вдруг разразился свинцовый ливень. Как один человек, заколыхалася и пришла на зов своего царя Великая Русь встать на защиту культуры, человечества и изолирования немецкого ига"[15].

Несмотря на общенациональный порыв во время мобилизации и начала войны, отправка на фронт означала для солдата прежде всего отрыв от семьи, от привычного места проживания, что воспринималось как несчастье, горе. В связи с этим нередки были случаи, когда солдаты плакали во время отправки на фронт. Подобные сцены, безусловно, не остались не замеченными современниками и нашли свое отражение в дневниковых записях периода первой мировой войны. Так, например, описывает в своем дневнике со слов мужа отправку на фронт солдат Р.М. Хин-Гольдовская, проживавшая во время войны в Москве: "Вчера он ходил провожать на вокзал своего приятеля А.А. Смирнова. Он говорил, что многие солдаты горько плакали. Особенно его поразил гармонист – весельчак и балагур, которому жена совала в карман булку, а он все острил. Когда же поезд тронулся, он вдруг залился слезами"[16].

Солдаты остро переживали чувство отрыва от дома и привычного крестьянского труда. Поэтому среди фронтовой обстановки именно воспоминания о семье и родной земле являлись для солдат самым светлым и чистым образом. М.П. Бок (Столыпина), бывшая первые месяцы войны сестрой милосердия в одном из железнодорожных поездов на передовых позициях, оставила такие воспоминания: "Само собою разумеется, что солдаты были разные, но все же была в то время общая черта не то что характера, а скорее мировоззрения данной минуты, и черта эта была – терпение. Какое-то особенное, из сердца исходящее, на смирении основанное чувство. Было оно основано не на страхе перед начальством, не на желании "блеснуть" выдержкой, а просто стремление, расставаясь с земной жизнью, отдать эти последние минуты тому, что было наиболее ценно в земной жизни. А было это – своя семья, своя работа на семью, на всю эту трудную, но чистую, честную, полную любовью жизнь"[17].

На начальном этапе войны среди базисных мировоззренческих установок солдата-крестьянина можно также выделить православие, поддерживаемое в армии на официальном уровне. Например, с самого начала войны одним из основных направлений деятельности военных священников русской армии стала агитация против сдачи в плен[18]. Кроме того, уже со времени "великого отступления" осени 1915 г. было отмечено большое количество случаев дезертирства, сопровождавшегося беспорядками, мародерством и грабежами в тылу армии[19]. Богослужение играло немаловажную роль в поддержании морально-боевых качеств солдат и офицеров, а кроме того, ассоциировалось с привычными деревенскими богослужениями.

Восприятие противника русским солдатом также было основано на религиозности сознания. В одном из писем солдата Вятской губернии, в частности, мы находим такие слова: "Немцы не люди, а исчадие ада, они ведут войну для уничтожения всего человеческого рода, стреляют все разрывными и отравленными пулями; даже легко ранят – помирают"[20]. Очевидно, что в подобном восприятии врага виден страх, переживаемый русскими солдатами, поскольку именно "исчадие ада" было наиболее "ужасной" категорией для православного сознания.

Первая мировая война была войной нового, "машинного" типа, к чему русские солдаты привыкали с большим трудом. "Но война прогрессирует, и теперь создается такой сложный аппарат борьбы из всей армии, что прежние бои начинают казаться игрушечными в сравнении с назревающими"[21], – отмечал в своих письмах с фронта есаул А.А. Упорников. Картины широкомасштабных артиллерийских обстрелов вызывали при этом у солдат чувство смертельного ужаса. В связи с этим не только "образ врага" ассоциировался в сознании солдат с "исчадием ада", но военные действия текущей войны в целом сравнивались с адом, страшным судом. Война без видимого врага утрачивала в сознании солдат естественный характер. При этом техника на войне воспринималась русским солдатом-крестьянином как враждебная человеку сила.

Однако в результате затягивания боевых действий и изменения характера войны с вовлечением в нее огромных масс людей на обширных пространствах, а также с применением новых видов оружия,

особенно массового поражения, происходила постепенная трансформация сознания солдат-крестьян. По их представлениям, воевать длительное время, находясь в разлуке с родными и не участвуя при этом в привычном сельскохозяйственном труде, было попросту глупо. Вчерашний крестьянин не хотел применять к себе военную службу как профессию. Длительная война была для солдат проявлением несправедливости, особенно когда затягивание боевых действий не приводило к конкретным, ощутимым для солдат результатам, и была сопряжена кроме всего прочего с подрывом здоровья.

Длительное пребывание на фронте без видимых результатов формировало в сознании солдат ощущение бесполезности и напрасности гибели в бою. Во взаимосвязи с неумелыми действиями командиров, которые, по воспоминаниям очевидцев, были "...лишены всякого соображения и инициативы, умеют лишь разводить слово на бумаге..."[22], формировалось пораженческое настроение среди солдат. Ощущение, что их ведут на убой, как деревенский скот, приводило порой к массовой сдаче в плен. Особенно заметно это явление стало проявляться после того, как кадровая довоенная армия стала редеть вследствие многочисленных потерь, а пополнение происходило за счет слабо обученной деревенской молодежи.

В.П. Булдаков отмечает, что в армии процветали мордобой и телесные наказания[23]. Бывшие крестьяне "с пониманием" относились к тому, что наказывают "за дело", но когда они сталкивались с произволом и надменно-унизительным отношением офицерского состава, то военная служба в скором времени стала вызывать у солдат-крестьян чувства страха и отвращения. В письмах к родным они так описывали свое отношение к военной службе: "Я не желаю никому попасть в такую тюрьму, которой является эта так называемая военная жизнь, где самый плохой офицеришка имеет право над тобой издеваться, как только ему хочется. Когда я был дома, тогда я верил, что наше офицерство на высоте своей задачи, но вот когда поближе пришлось столкнуться с этим, то наплюй тому в глаза, кто будет говорить про это, все помешаны на одних только деньгах, наградах и чинах, а заботы о том, как нижний чин живет, одет ли, обут ли, думаю, найдется не у многих"[24].

Безусловно, что на солдат угнетающе действовали слухи о разложении властных верхов, о "распутинщине", "предательстве" В.А. Сухомлинова и прочее. Будоражащие фронт новости приходили как с письмами, так и с отпускниками и новыми пополнениями. Центрами рождения и распространения слухов были также лазареты, походные кухни и лавки. Новобранцы и резервисты приносили с собой в армию растущий в тылу дефицит порядка и уважения к государственной собственности. Не принимая реалий новой войны и ощущая угрозу себе лично и тем ценностям, с которыми он себя идентифицировал на фронте и еще более – в тылу, крестьянин-солдат искал главных виновников такого положения в многочисленных внутренних врагах. Можно с определенной долей уверенности говорить, что уже с 1915 года солдатское недовольство "тыловыми немцами" начало возрастать. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные данные переписки, выявлявшиеся Департаментом полиции Министерства внутренних дел, в которой мы находим сообщения следующего содержания: "Приезжающие с фронта говорят, что дух везде бодрый и уверенность в победе общая, но злоба и негодование против "внутреннего немца" растут везде, особенно в армии. Воровство и взяточничество тоже всеобщее, и с продуктами, очевидно, дело хорошо наладиться не может"[25].

Несмотря ни на что, солдаты весьма решительно были настроены в отношении продолжения войны и после военных неудач 1915 г. Однако это было напрямую связано с политическими событиями внутри страны.

Следует отметить, что к 1917 году монархизм в мировоззрении солдат практически полностью исчерпал себя. После февральской революции и отречения Николая II от престола, как отмечают исследователи, большинство солдат в нем разочаровались[26]. Наиболее "активные" солдаты топтали символы "проклятого прошлого", хуля режим и царскую семью,

рубили шашками герб Российской империи, а в вагонах на ходу вывинчивали портреты царя и царицы и закрывали двуглавых орлов. Общее настроение солдат на фронте после февральских событий выражалось такими солдатскими репликами: "Теперь знаем, за что деремся. Это свое!"[27].

Сводки военной цензуры за весну 1917 года также говорят о том, что общее настроение солдат изменилось в связи с происшедшими событиями[28]. Старое правительство пало, и благодаря этому у солдат появилась уверенность в своих силах и победе над врагом. В большинстве случаев слышались солдатские заявления, что теперь целью войны являлась защита полученной свободы.

Однако полученную, как казалось солдатам-крестьянам, свободу они воспринимали в соответствии с особенностями крестьянского менталитета и определенной мировоззренческой "примитивностью" и в другом аспекте, негативно действовавшем на умы солдат. Полученная свобода сразу же перетекала в сознании солдат в отрицание всяких авторитетов прежнего режима. Прежде всего в условиях фронтового быта "авторитеты" царского режима персонифицировались в лице офицерского состава. Военные цензоры отмечали, что офицерство после февральских событий стало переживать очень тяжелые времена[29]. Сами офицеры, вспоминая, так описывали впоследствии происходившие в те дни на фронте события: "Настал 1917 год, когда все идеалы, во что мы верили, ради которых служили и воевали, были повергнуты во прах предательской волей новых правителей… Тяжелые, полные трагизма дни переживал офицер на фронте в те жестокие времена"[30].

"Получившие свободу" солдаты стали вести себя крайне нахально по отношению к командному офицерскому составу. Так, например, описывал в своих дневниковых записях генерал-майор М.С. Галкин воспринятую солдатской массой свободу: "Впечатление от последних реформ в армии таково, что в Петрограде решили кончить войну теперь же. Нижний чин, почувствовав под ногами так называемую политическую свободу, понял ее своеобразно: все теперь можно"[31].

Таким образом, в 1917 году солдаты хотели защищать приобретенную в ходе революции свободу. Идеи патриотизма и защиты Родины стали наполняться при этом новым социально-политическим содержанием, не имеющим ничего общего с экзальтированным подъемом патриотических чувств начала войны. Только теперь, после февраля 1917 г., у солдат появилась осознанная мотивация – борьба за свою свободу, воспринятую весьма специфично. Однако, восприняв полученную свободу как произвол и возможность отрицания каких-либо авторитетов, новое мировоззрение русского комбатанта скорее разрушительно действовало на общий армейский организм, что не могло не повлиять на развал старой русской армии, который во многом способствовал тому, что большевики пошли на сепаратный выход из войны.

---

[1] См.: Дубровская О.Н. Краткая история войн и сражений. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. С. 295.

[2] См., например: Есикова М.М. Аграрная культура и крестьянское производство в России (1880-е – 1917) // Власть. 2009. № 8. С. 161.

[3] См.: Сыч А.И. О некоторых социально-психологических последствиях первой мировой войны // Вопросы истории. 2001. №11–12. С. 109.

[4] См.: Аксенов В.Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 137–145.

[5] См.: Асташов А.Б. Русский крестьянин на фронтах первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86.

[6] См.: Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период первой мировой войны // Отечественная история. 2001. № 1. С. 192–194.

[7] Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1. СПб., 1905. С. 163.

[8] Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917. СПб., 2007. С. 135.

[9] Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 72.

[10] Там же. С. 78.

[11] Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 83.

[12] Драгомиров А. Из войны 1914-1917 гг. // Военная быль. 1963. № 61. С. 11.

[13] Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 75.

[14] РГАЛИ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

[15] РГАЛИ. Ф. 2304. Оп. 2. Д. 497. Л. 3.

[16] РГАЛИ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 23. Л. 17 об.

[17] Архив БФРЗ. Ф. 1. Д. А-59. Л. 1–2.

[18] См.: Нагорная О.С. Религиозная жизнь российских военнопленных в немецких лагерях в годы первой мировой войны // Отечественная история. 2008. № 5. С. 159.

[19] См.: Асташов А.Б. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. С. 45.

[20] Цит. по: Казаковцев С.В. Первая мировая война в письмах воинов-вятичей // Военно-исторический журнал. 2007. № 4. С. 52.

[21] Фронтовые письма есаула А.А. Упорникова периода первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 41.

[22] Отдел рукописей РГБ. Ф. 140. Оп. 6. Д. 1. Л. 13.

[23] Булдаков В.П. От войны к революции: рождение “человека с ружьем” // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 57.

[24] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 7.

[25] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1039. Л. 2160.

[26] Чернобаев А.А., Чертищев А.В. Действующая русская армия и власть в 1917 году // Военно-исторический журнал. 2006. № 7. С. 46.

[27] РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 2. Д. 215. Л. 54.

[28] РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. Д. 1496. Л. 2.

[29] РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. Д. 1496. Л. 3.

[30] Де-Витт Д. Миниатюры прошлого // Военная быль. 1963. № 59. С. 40.

[31] Отдел рукописей РГБ. Ф. 802. Оп. 3. Д. 2. Л. 45.